

УДК 343.4

Жуков Андрей Александрович

кандидат исторических наук

Zhukov_andrei@mail.ru

Мартынова Татьяна Валентиновна

кандидат юридических наук, доцент

mtv_krasnodar@mail.ru

Andrey A. Zhukov

Candidate of history

Zhukov_andrei@mail.ru

Tatyana V. Martynova

Candidate of law, associate Professor

mtv_krasnodar@mail.ru

**Взаимоотношения российского государства и религиозных объединений
в контексте становления правового государства**

**Relations between the Russian state and religious associations
in the context of the rule of law**

***Аннотация:** В статье уделено внимание исследованию проблем взаимодействия государства и религиозных объединений. Отмечено, что конституционные принципы свободы совести и светского государства, а также их практическое применение на современном этапе недостаточно разработаны. Авторами предпринята попытка дать правовой анализ конституционных норм, устанавливающих правовую основу механизма свободы совести и свободы религиозных объединений в Российской Федерации. На основе суждений специалистов делаются выводы.*

***Ключевые слова:** правовое государство, конституционные нормы, правовой механизм, свобода совести, свобода религиозных объединений, духовная свобода, гражданское общество, антирелигиозная идеология, правоприменение, уголовная ответственность, правотворчество.*

В Конституции Российской Федерации 1993 года формально декларированы принципы светского государства и свободы совести [1]. Вместе с тем, на практике имеет место негативная тенденция, состоящая в активном вмешательстве церкви, прежде всего Русской православной церкви, в дела общества и государства, приобретении ею влияния, не характерного для современных светских стран. Подтверждением существования этой тенденции служит правоприменительная практика, которая стала весьма обсуждаема для юридической науки.

Так, во-первых, 11 мая 2017 г. в г. Екатеринбурге вынесен обвинительный приговор видеоблогеру Руслану Соколовскому, который обвинялся по

нескольким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ) [2]. Поводом для возбуждения уголовного дела и начала уголовного преследования Р. Соколовского стал видеоролик, на котором блогер играл в Pokemon Go в Храме-на-Крови. При всей аморальности этого поступка, вряд ли его можно признать представляющим общественную опасность и, следовательно, преступным. Более того, сомнения вызывает обоснованность включения в уголовный закон ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», объективную сторону которой составляют публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих.

Во-вторых, ещё одним примером может служить противостояние между обществом, церковью и государством, которое развернулось в связи с возможной передачей Исаакиевского собора Русской православной церкви. Дискуссия вокруг этой идеи длится, начиная с 2015 г. и к настоящему моменту так и не завершена.

В-третьих, неоднозначным выглядит вынесенное 20 апреля 2017 г. Верховным судом РФ решение о признании экстремистской деятельности «Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России» и запрете его деятельности и деятельности всех 395 отделений на территории России. Имущество «Управленческого центра Свидетелей Иеговы» в России подлежит конфискации и обращению в пользу государства. Подобные религиозные организации и группы действуют во многих странах мира и вопрос о наличии в их деятельности признаков тоталитарных сект является весьма сомнительным.

Современный этап взаимоотношения российского государства и религиозных объединений характеризуется наличием ряда противоречий между стремлением российского государства максимально контролировать религиозную сферу и желанием религиозных объединений и верующих избавиться от такого контроля.

Нельзя не согласиться с А.В. Пчелинцевым в том, что «свобода совести является одной из высших правовых и социальных ценностей, важнейшей составляющей качества человеческой жизни, органически связанной с другими правами и свободами. Отсутствие такой свободы делает человека рабом навязываемых ему идеологии и мировоззрений, винтиком тоталитарной системы. Однако, несмотря на то, что еще в 1993 г. Конституция РФ в части 4 ст. 15 закрепила приоритет общепризнанных принципов и норм международного права, не будет преувеличением сказать, что в России такие ценности, как свобода совести и вероисповедания еще не стали приоритетными»[3, с. 45].

Е.Е. Никитина также подчёркивает, что «законодательство, регулирующее институт прав и свобод человека, далеко от совершенства и содержит неправомерные ограничения прав человека. Существенно ухудшает качество законодательства о правах человека отсутствие единства в понимании пути его дальнейшего развития и конечных целей, которые должны быть достигнуты правовым регулированием. Большое количество противоречивых

поправок и дополнений к действующим нормативным актам («правовая инфляция», или «правовой спам», как справедливо называют такого рода законотворчество некоторые авторы) разрушают внутреннюю логику и саму систему законодательства о правах. Элементарное незнание или пренебрежение законодателями, действующими объективными законами права приводит либо к нулевому регулятивному воздействию на правоотношения, либо к правовой неопределенности или возникновению неразрешимых коллизий, либо к невозможности исполнения законов в этой сфере» [4, с. 65].

Подобная тенденция развития законодательства может привести к ситуации, когда права атеистов, а также представителей нетрадиционных конфессий будут ущемлены. Тем более, у нашей страны есть негативный опыт, когда в советском государстве свобода совести и вероисповедания лишь декларировалась. Так, в частности, В.П. Ключева отмечает: «в целом в Советском Союзе свобода совести была заявлена на официальном уровне, но при этом декларация гражданской свободы ограничивалась большим количеством сдерживающих факторов. Это видно на примере применения свободы совести, когда де-юре утверждалась возможность исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду, тогда как де-факто существовала исключительно атеистическая и антирелигиозная деятельность» [5, с. 20].

В.П. Лукин даёт следующую оценку: в вероисповедной политике государства неизбежна стагнация со всеми ей присущими болезненными общественными проявлениями, вплоть до социального взрыва, если удовлетворяться достигнутым и вовремя не начать движение к новым осознанным целям и перспективам. Пока мы как страна существовали в рамках партийной антирелигиозной идеологии и пока преодолевали тяжелое «антирелигиозное советско-партийное наследие», мир в вопросах свободы совести ушел далеко вперед. Это движение ускорило в послевоенное время, и особенно в связи с созданием Совета Европы, для которого свобода мысли, совести и вероисповедания, во-первых, является одной из основ «демократического общества» и, во-вторых, рассматривается в качестве достояния для всех граждан, независимо от их религиозного/нерелигиозного мировоззрения. Задача же государства состоит в том, чтобы, а) отстаивать и защищать самобытность, независимость и плюрализм гражданского общества и б) не – допускать необоснованного вмешательства, с чьей бы стороны это ни исходило, в независимое существование религиозных обществ, сохраняя при этом свой нейтралитет [6, с. 9].

Представляется, что эффективность функционирования механизма гарантированности права на свободу совести и свободу вероисповедания зависит не только от правотворчества, но и от правоприменения. В свою очередь, правоприменение напрямую зависит от уровня правовой и религиозно-правовой грамотности граждан и должностных лиц.

Вопрос реализации свободы совести и ее составного элемента – права на религиозную тайну – также неразрывно связан с личной и семейной тайной, чья

охрана гарантируется Конституцией РФ и международными договорами. Важно отметить, что к исповеди, во время которой священнослужитель получает доступ к персональной религиозной тайне верующего, можно причислить и действия священнослужителя, формально не подпадающие под понятие исповеди (духовные беседы, консультирование по духовным вопросам и др.). К.М. Андреев в этой связи абсолютно верно пишет, что «ограничения выражения религиозных убеждений могут налагаться только тогда, когда они соответствуют трем дополнительным наборам требований:

1) ограничения должны быть «предписанными законом», т.е. представлять собой установленные нормы, которые согласуются с правовыми принципами;

2) ограничения позвольтельны, только если они направлены на сохранение общественной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности, или защиту прав и свобод других лиц;

3) ограничение должно быть необходимым в демократическом обществе» [7, с. 39].

Необходимо проводить различие между внешними проявлениями свободы и убеждений, которые могут ставить под угрозу безопасность других людей (общественную безопасность) и теми проявлениями, которые касаются безопасности только непосредственно самого человека, о религиозной свободе которого идет речь. В данном случае идет речь о свободе права на смерть. Это вопрос спорный с точки зрения морали, но с точки зрения права на свободу далеко не бесспорный, потому что это, прежде всего, право самого человека, тем более, если оно сопряжено с его мировоззренческим убеждением. То же касается и права на отказ от переливания крови, отстаиваемого представителями ныне запрещённых в России религиозных объединений «Свидетелей Иеговы».

Как отмечает А.В. Пчелинцев, можно увидеть «не абсолютный, а относительно абсолютный аспект права на тайну исповеди, который наиболее полно соответствует социальной ответственности, когда речь идет о таких фундаментальных ценностях, как жизнь человека и безопасность общества» [8, с. 223].

Государство призвано создать условия для эффективного выражения свободы совести и вероисповедания, в том числе и при прохождении гражданами России воинской службы. О.А. Овчаров в этой связи указывает на то, что взаимодействие и тесное сотрудничество государства (в лице военных организаций) с религиозными объединениями (в лице военного духовенства) по реализации права воинов на свободу вероисповедания не должно идти в ущерб обеспечению обороны и безопасности, как это следует из смысла ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Ведь такое сотрудничество может быть, как позитивным и благотворным, так и вредным, опасным. Проблема правовой работы в этой сфере состоит в выработке и правовом закреплении, во-первых, четких и однозначных критериев такого разграничения (благотворных от опасных вероучений), во-вторых, действенных средств выявления и предотвращения

угроз обороне и безопасности от религиозного фактора, активно используемого, в том числе и для разжигания вооруженных конфликтов [9, с. 120].

«Отдельного внимания, как пишет Е.И. Машаров, требует вопрос возможности прохождения военной службы лицом, исповедующим религию, принципы которой не позволяют указанному лицу состоять в рядах вооруженных сил. В большинстве государств, в том числе и в Российской Федерации, таким гражданам предоставляется возможность выбрать альтернативную службу, которая будет соответствовать гуманистическим началам и не нарушать конституционные права данной категории лиц» [10, с. 48].

Ещё один аспект рассматриваемого права, как отмечает Д. Казанцев, состоит в том, что «в условиях информационного общества для обеспечения равенства всех религиозных организаций бывает недостаточно их равенства перед законом и судом. В многоконфессиональном государстве, большинство жителей которого являются людьми нерелигиозными, ключевая роль в обеспечении межрелигиозного мира принадлежит средствам массовой информации. Недопустимо, когда об одной конфессии СМИ, тем более государственные СМИ, упоминают лишь в контексте скандальной хроники, тогда как упоминания о другой не могут носить критический характер, даже если ее культовые сооружения регулярно фигурируют в криминальных сводках» [11, с. 8].

Следует согласиться с Д.В. Шилиным в том, что «в современном мире свобода совести и вероисповедания является динамичным правом, представления о котором видоизменяются в зависимости от региона. Несмотря на положения международного права о безусловности защиты духовной свободы человека в современном мире, наблюдается расширительная интерпретация пределов правовой охраны такого нематериального блага. Это связано с «демократизацией» тех сегментов общественных отношений, регулирование которых ранее осуществлялось преимущественно на уровне правовых обычаев, когда уважение к религиозным чувствам осуществлялось не под угрозой уголовной ответственности, а в силу сложившихся традиций и почитания устоявшихся норм морали и нравственности» [12, с. 82].

Таким образом, право на свободу совести и вероисповедания является одним из универсальных прав, широко закрепленных как в международных нормативных правовых актах, так и в Конституции России (ст. 28), ее законодательстве. Свобода совести – это естественное право человека иметь любые убеждения и действовать в соответствии с ними. Свобода вероисповедания – это право исповедовать и практиковать любую религию или же право придерживаться атеистических воззрений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ,

от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)//Российская газета. 1993. 25 декабря; Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 19.02.2018 № 35-ФЗ)//Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954; Собрание законодательства РФ. 2018. № 9. Ст. 1292.

3. Пчелинцев, А.В. О книге А.Р. Султанова «Защита свободы совести, распространения убеждений через призму постановлений Европейского суда по правам человека» /А.В.Пчелинцев//Адвокат. 2014. № 2. С. 45.

4. Никитина, Е.Е. Свобода совести: теория и практика ограничений прав в Российской Федерации /Е.Е.Никитина//Журнал российского права. 2013. № 12. С. 65.

5. Ключева, В.П. Свобода совести в СССР: от декларации до попыток реализации /В.П.Ключева//История государства и права. 2013. № 13. С. 20.

6. Лукин, В.П. Свобода совести в Российской Федерации: двадцать лет спустя (1991 – 2011 гг.) /В.П.Лукин//Омбудсмен. 2012. № 1. С. 9.

7. Андреев, К.М. Пределы охраны конституционного права на свободу вероисповедания и ее составного элемента – «религиозной тайны» /К.М.Андреев//Конституционное и муниципальное право. 2014. № 9. С. 39.

8. Пчелинцев, А.В. Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые основы /А.В.Пчелинцев. - М.: ИД «Юриспруденция», 2012. С. 223.

9. Овчаров, О.А. О некоторых проблемах правовой работы по реализации права военнослужащих на свободу вероисповедания /О.А.Овчаров//Право в Вооруженных Силах. 2016. № 7-8. С. 120.

10. Машаров, Е.И. Закрепление свободы совести и вероисповедания в конституциях стран Европы /Е.И.Машаров//Международное публичное и частное право. 2014. № 4. С. 48.

11. Казанцев, Д. Закон о свободе совести: единство в многообразии /Д.Казанцев//ЭЖ-Юрист. 2012. № 39. С. 8.

12. Шилин, Д.В. Уголовная и административная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания: проблемы разграничения /Д.В.Шилин//Журнал российского права. 2016. № 5. С. 82.

Literature:

1. The constitution of the Russian Federation (it is accepted by national vote of 12.12.1993) (taking into account the amendments made by Acts of the Russian Federation about amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ)//the Russian newspaper. 1993. December 25; Collection of the legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Art. 4398.

2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (in an edition of 19.02.2018 No. 35-FZ)//the Collection of the legislation of the Russian Federation. 17.06.1996. No. 25. Art. 2954; Collection of the legislation of the Russian Federation. 2018. No. 9. Art. 1292.

3. Pchelintsev, A.V. *O to the book by A.R. Sultanov "Protection of freedom of worship, distribution of beliefs through a prism of resolutions of the European Court of Human Rights" / A.V. Pchelintsev//Advocaat. 2014. No. 2. Page 45.*

4. Nikitina, E.E. *Freedom of worship: the theory and practice of restrictions of the rights in the Russian Federation / E.E. Nikitina//the Magazine of Russian law. 2013. No. 12. Page 65.*

5. Klyueva, V. P. *Freedom of worship in the USSR: from the declaration before attempts of realization/accusative of Klyuev//History of state and law. 2013. No. 13. Page 20.*

6. Lukin, V. P. *Freedom of worship in the Russian Federation: twenty years later, (1991 - 2011) / V.P. Lukin//Ombudsman. 2012. No. 1. Page 9.*

7. Andreyev, K.M. *Limits of protection of constitutional right on freedom of worship and its component – "a religious secret" / K.M. Andreyev//the Constitutional and municipal right. 2014. No. 9. Page 39.*

8. Pchelintsev, A.V. *Freedom of worship and activity of religious associations in the Russian Federation: constitutional and legal bases / A.V. Pchelintsev. - M.: IDES "Law", 2012. Page 223.*

9. Ovcharov, O.A. *O some problems of legal work on realization of the right of the military personnel for freedom of worship / O.A. Ovcharov//the Right in Armed Forces. 2016. No. 7-8. Page 120.*

10. Masharov, E.I. *Fixing of freedom of worship and religion in constitutions of the countries of Europe / E.I. Masharov//the International public and private law. 2014. No. 4. Page 48.*

11. *Citizens of Kazan. Law on freedom of worship: unity in variety/@. Kazantsev//EZh-Yurist. 2012. No. 39. Page 8.*

12. Shilin, D.V. *Criminal and administrative responsibility for violation of the right to freedom of worship and religions: differentiation problems / D.V. Shilin//Magazine of Russian law. 2016. No. 5. Page 82.*